

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭЖЕН МАРСЕЛЬ ПРЕВО

Осень женщины

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-31
П71

Eugène Marcel Prévost
L'AUTOMNE D'UNE FEMME

Художественное оформление
Натальи Портяной

Превос, Эжен Марсель.

П71 Осень женщины : [перевод с французского] / Эжен Марсель Превос. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-211073-3

Эжен Марсель Превос — выдающийся французский писатель, член Французской академии, мастер психологической прозы. Его произведения, отмеченные глубоким анализом человеческих чувств и социальных условностей, принесли ему славу одного из самых проницательных авторов рубежа XIX—XX веков. Роман «Осень женщины» входит в число его ключевых работ, раскрывающих тончайшие нюансы женской души и драматизм зрелой любви.

Книга рассказывает историю женщины, переживающей кризис среднего возраста, когда молодость уходит, а вместе с ней — иллюзии и надежды. Героиня сталкивается с одиночеством, разочарованием в браке и мучительным поиском нового смысла жизни. Превос с присущим ему изяществом и проникновенностью исследует тему увядания красоты, страсти и социального положения женщины в эпоху, когда ее ценность часто сводилась к молодости и внешности.

«Осень женщины» — это не только грустная исповедь о неизбежном ходе времени, но и глубокий философский роман о достоинстве, внутренней силе и возможности возрождения. Произведение будет особенно близко ценителям классической французской литературы, психологической прозы и вечных вопросов любви и старения.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-31

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211073-3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В каждом из лучших кварталов Парижа вблизи больших приходских церквей, открытых для молитвы, есть более роскошные капеллы, где светские набожные люди могут беседовать с Богом. Так, в предместье Сен-Жермен на Севрской улице находится прибежище Иисуса; на Елисейских Полях — доминиканская капелла на аллее Фридланд; в Монсо — барнабитская община, на улице Лежандр, а в Европейском квартале на улице Турин — красивая капелла в стиле рококо.

Эта капелла принадлежит женской общине сестер редемптористок и основана в последнем столетии маркизой Сент-Ивер-Леруа. Сестрами этой общины могут стать исключительно женщины из богатейшего класса населения: они не ухаживают за больными, не навещают бедных. Они занимаются обучением нескольких учениц, избранных, как и они сами, из лучшего общества. Основательница общины предписала им роль библейской Марии в доме Лазаря: поклонение ногам небесного Учителя. На алтаре,

блистающем изумрудами перед иконой, изображающей поклонение волхвов, бледный овал на престольной чаше сверкает бесконечным блеском среди лучей потира¹. Сестры редемптористки в белоснежных одеждах, перетянутых золотыми поясами, в голубых бархатных накидках по двое стоят в очереди перед образом в немом обожании. Когда одни устают, на смену им приходят другие.

Глубокая тишина царит в капелле — сквозь толстые стены и металлические двери не проникает городской шум, да и улица, смежная с Берлинской, в той части, где находится монастырь, не отличается особенным оживлением.

Весьма редко случается, чтобы капелла была пуста даже не в служебные часы и чтобы на церковной скамье не сидела какая-нибудь парижанка. Они охотно приходили сюда пешком, как на таинственное свиданье. Кто из светских женщин Парижа не помнит за собой этих неожиданных порывов набожности, этой неудержимой потребности в сердечной исповеди? О, что за удивительные милости вымаливают эти затянутые в перчатки ручки, прижатые к закрытому вуалью лицу! И какое чудесное благовоние должно подниматься к потолку от этих маленьких восковых свечей, поставленных на алтаре! Какие безнадежные призывы остывающей люб-

¹ Сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении причастного вина и принятии святого причастия.

ви смешиваются здесь с искренними угрызениями совести! И какой должен быть там, наверху, добрый и внимательный Бог, чтобы отделять хорошее семя от плевел.

По всей вероятности, дама, подъехавшая в карете к капелле на улице Турин в октябрьский дождливый день, не принадлежала к числу подобных кающихся.

Едва войдя, она тотчас же опустилась на колени около одной из последних скамеек и, вероятно, очень торопилась молиться или, подобно мытарю, не дерзала идти вперед, в дом своего Господа. Долго стояла она так, то закрыв лицо руками, то скрестив их в позе Беатриче Розетти и устремив взгляд на освещенный клирос. Как и всегда, алтарь был весь залит золотистым светом, и на последней ступеньке на коленях стояли две неподвижные статуи в белоснежных одеждах, опоясанных золотыми кушаками, и в голубых накидках.

Дождь скрадывал последний дневной свет, капелла погружалась в темноту. Из ризницы вышла послушница со светильником в руке — она плавно спустилась по ступенькам и стала зажигать газ в лампах. Последняя была зажжена прямо над молившейся женщиной, и та, как будто удивившись, быстро подняла голову. Она обменялась взглядами с послушницей и скромно улыбнулась. Сестра-послушница так же плавно удалилась по ступенькам клироса. Прихожанка же хотела еще молиться, но яркий свет лампы спугнул ее молитвенное настрое-

ние. Напрасно она сперва хотела вернуть его — лицо было освещено газовым шаром, горевшим над ее головой, а глаза ее рассеянно блуждали. Она задумалась.

Элегантность туалета и умение подчеркнуть свою красоту выдавали в ней обычную светскую парижанку, чей возраст сложно определить. Во всяком случае, это была женщина не очень молодая — хотя, наверное, молодая в том снисходительном смысле, какой Париж придает этим словам. В ее темно-каштановых волосах, заколотых шпильками, не было ни единого седого волоска. Темная вуаль закрывала ее приятное лицо с несколько крупными чертами, напоминающими итальянский тип: нежный полный подбородок, крупные губы, прямой нос и низкий лоб — словом, это было лицо всех девушек, черпающих воду в цистернах Альбано или Неми¹.

В капелле было вовсе не холодно, и молодая женщина отбросила свою накидку на спинку скамьи, обнаружив изящную фигуру. На открытую белую шею падали завитки волос. На женщине было вишневое платье-футляр, а вместо корсажа такая же свободная кофточка с черным кружевом на воротнике и рукавах. Свободно драпируя спину и грудь, кофточка была перетянута черным кушаком и демонстрировала талию, слишком тонкую для такой роскошной фигуры.

¹ Альбано и Неми — озера, находящиеся в Италии, в тридцати километрах от Рима.

Надо было быть слишком рассеянным или сосредоточенным человеком, чтобы не обратить на нее внимание. Это была женщина в полном расцвете красоты, раскрывшейся с годами, — из скромного бутона она превратилась в пышную розу. Но привлекательнее всего были ее глаза. Вся душа светила в ее серых с голубым отливом глазах. Они были такого металлического цвета, которому нет названия.

Да, вся душа этой женщины сосредоточилась в глазах, когда она подняла их к Утешителю страждущих, беспокойных, измученных, к Богу — покровителю влюбленных, каким женщины любят воображать Его. Эти глаза светились необыкновенной невинностью и придавали всему лицу выражение почти детское, удивленное, подобное тому, какое светится на лицах маленьких девочек, когда они в полдень выходят из школы, болтая и держа друг друга за руки.

В этих глазах искрилась также и неудержимая нежность, страстное желание помочь, любить, раздавать, как милостыню, все сокровища своего сердца.

Сестра-послушница зажгла все лампы капеллы, встала на колени перед алтарем и некоторое время смиренно молилась. Затем она преклонила колени перед дароносицей и вернулась в ризницу. В тишине капеллы дверь с шумом захлопнулась, заставив кающуюся вздрогнуть от неожиданности, — она встала,

застегнула свою накидку и тоже направилась к ризнице.

В комнате, отделанной светлым деревом, послушница разбирала платья маленьких певчих. Она улыбнулась приветливее, чем в первый раз, когда ее сдерживала святость места — у монахинь есть уставы даже для улыбок.

— Здравствуйте, сестра Зита. Аббат Гюго у себя?

Сестра прошептала, как в исповедальне:

— Кажется, господин духовник вернулся к себе полчаса назад, и я не видела, чтобы он выходил снова.

— Он может меня принять?

— Вы можете подняться, если вам угодно... Но господин духовник сейчас не исповедует.

— О, я пришла не для исповеди!

Прихожанка ждала подробностей, но сестра Зита, полагая, что она и без того уже сказала достаточно на сегодня, замолчала и снова занялась платьями. Тогда женщина решительно вышла из ризницы и направилась к двери, противоположной клиросу.

Она внезапно почувствовала в воздухе сырость и завернулась в накидку — дверь выходила в небольшой дворик, и ветер заносил дождь под арку. Посреди четырех мокрых от дождя дорожек, посыпанных песком, возвышался постамент, обсаженный кустами, откуда виднелась какая-то статуя. Две такие же статуи стояли по углам: у цоколей их были подвешены два цветных фонаря. Дворик был

освещен этим колеблющимся светом и отражением нескольких окон.

Женщина быстро пробежала под аркой и поднялась на первый этаж. Она отворила дверь, обитую войлоком, а затем постучалась во вторую, уже не обитую ничем.

— Войдите! — услышала она мягкий, несколько гнусавый голос.

Она вошла. Седая голова аббата показалась из-за массивного красного бюро, а затем он встал.

— Мадам Сюржер! Какой приятный сюрприз... Садитесь же, пожалуйста, милая барышня.

Священник указал ей на кресло. Он был человеком высоким, но хорошо сохранившимся для своих шестидесяти лет. Комната его была обклеена простыми обоями, и незатейливая обстановка — обыкновенная железная кровать, видневшаяся из-за драпировки, — резко контрастировала с ценными предметами, украшающими камин и даже стены. Госпожа Сюржер села. Аббат взглянул на нее поверх очков и повторил:

— Какой приятный сюрприз! Что же привело вас сюда в такой час? Надеюсь, ничего серьезного не случилось в вашей милой семье?

— О нет, — сказала госпожа Сюржер, — я всего лишь проезжала Санкт-Петербургскую улицу, возвращаясь от одних знакомых, и решила зайти в капеллу. Сестра Зита сказала мне, что вы здесь... и я...

Священник наклонил голову, как бы соглашаясь с этим придуманным объяснением, — он прекрасно знал, что сейчас же услышит другое, правдивое: без сомнения, какой-нибудь грустный любовный грех! Аббат немного подождал, но она не продолжала, и он наконец прервал молчание:

— Не хуже ли господину Сюржеру?

— Нет... У него все как и прежде. Эта сырая погода на него дурно влияет. Несмотря на это, он непременно хочет ехать в Люксембург. Ведь вы знаете о делах нашего банкирского дома в Париже? Он должен уехать до январской ликвидации.

Аббат спросил с равнодушным видом:

— Но господин Сюржер ведь не один... у него есть товарищ, не правда ли? Этот полный мужчина, рядом с которым я имел честь сидеть у вас за столом? Отец прелестной молодой девушки, мадемуазель Клары, кажется.

— Да, это месье Эскье. Он мог бы и один превосходно управлять банком, тем более что у нас в Люксембурге есть прекрасный администратор. Но мой муж не хочет этого понять — для него это вопрос самолюбия, и он хочет быть там.

Священник хмыкнул, и это значило: «Я знаю, что за человек ваш муж и как трудно его уговорить что-нибудь сделать».

— А мадемуазель Клара, — спросил он, — от нее есть новости?

— Она сегодня обедает у меня.

— Да, да, — задумчиво произнес он, бросив взгляд на часы. — Сегодня первая среда этого месяца, день выхода пансионеров из Сиона.

Он кашлянул, а затем принялся крутить в руках деревянный нож:

— Это очень любезная особа: я имел удовольствие познакомиться с ней, когда проповедовал в Сионе. Очень прямая, решительная. Она будет хорошей христианкой. Она приходится вам родственницей, не правда ли?

Мадам Сюржер покраснела.

— Нет, Клара — дочь Жана Эскье, того самого полного мужчины, товарища моего мужа. Мы старинные друзья, но не родственники.

Ей стало душно в этой натопленной комнате, и она повесила свою накидку на спинку кресла. В воздухе вдруг повисло неловкое молчание — и священник, и госпожа Сюржер пытались подобрать любезные фразы для продолжения разговора.

— Так значит, сегодня на Ваграмской площади у вас будет семейный вечер? — усмехнулся аббат.

— Да, это точно...

Она с минуту колебалась, собираясь с силами, а потом затараторила:

— У нас даже есть новый жилец, Морис Артуа, сын прежнего директора парижского и люксембургского банка.

— Того, который?..

— Да... того, который застрелился.

— И бедный молодой человек живет с вами? — без удивления спросил аббат.

— О нет! Он живет во внутреннем павильоне с господином Эске.

Глаза мадам Сюржер засветились странным блеском. Она чувствовала на себе пристальный взгляд аббата, несколько смягченный очками. Она устала от противоречий, от беспокойства, от огорчения и угрызений совести. Ее губы дрогнули, глаза наполнились слезами, она облокотилась рукой на угол бюро, и из глаз ее потекли горячие слезы. Аббат Гюго не мешал ей выплакаться, он только глядел на нее и размышлял. Как хорошо ему были знакомы бедные души этих парижанок, запутавшихся во всевозможных компромиссах, обманах, не находящие в себе достаточно сил для сопротивления! Он особенно хорошо знал и эту душу, доверявшую ему свои малейшие ошибки, и он любил ее, потому что невинность и нежность, светившиеся в прекрасных глазах этой женщины, были отражением ее чистой души.

Мадам Сюржер не рыдала и не всхлипывала. Даже лицо ее, прикрытое рукой от света лампы, почти не покраснело от слез.

Аббат Гюго встал, наклонился и, положив руку на плечо женщины, произнес:

— Что с вами, дитя мое? Вам нехорошо?

Он уже вынул из ящичка бюро хрустальный розовый флакончик в старинной серебряной оправе.

За свою долгую практику врачевателя сердец он научился успокаивать женские нервы.

Но мадам Сюржер отрицательно помотала головой, утерла слезы и улыбнулась.

— Благодарю вас, извините меня... В эти дни у меня очень расстроены нервы. Иногда мне кажется, что на сердце у меня лежит какая-то тяжесть, которая давит его и становится все тяжелее. Потом это подступает к голове, и я плачу, вот как сейчас.

— Вы правы, это нервы, — терпеливо прошептал аббат.

Мадам Сюржер все еще вытирала слезы. Она произнесла:

— Вот именно об этом-то я и хотела поговорить с вами, господин аббат.

Фраза была туманна, но аббат ее понял.

— Вы хотите, чтоб я выслушал вас в исповедальне?

— О, нет! Я только хочу посоветоваться... Извините, я очень взволнована.

Аббат заметил, что глаза ее вновь стали мокрыми от слез. Он взял ее за руку.

— Не бойтесь, дочь моя, доверьтесь мне... Говорите... Я вас исповедую.

И как бы для того, чтоб воспроизвести обстановку исповедальни в тихой, темной церкви, где решетка скрывает лица, он отставил в сторону лампу, приглушил свет и приложил платок к виску, прикрывая им глаза.